Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Она была актрисою...

Она была актрисою и, даже за кулисами
Играла роль, а зрителем был я
В душе её таинственной мирились ложь и истина...

Александр выключил приемник, и устало откинулся на спинку кресла автомобиля. За окном сгущались сумерки, все небо было затянуто тяжелыми свинцовыми тучами, везде, куда хватало глаз, стояла стеной не то изморозь, не то мелко моросящий ледяной дождь: на календаре — конец ноября, на улице — поздняя осень. Александр отвернулся от окна и закрыл глаза. В который раз он слушал эту песню: эти строчки так запали ему в душу, словно они написаны были специально про него.

Кто бы мог подумать, что весь его уютный мирок рухнет и в одночасье улетит в тартарары из-за одного билета, который ему всучили насильно?!

Банк, где Александр работал менеджером средней руки, возглавлял руководитель новой формации, помешанный на всем прогрессивном: забота о своих сотрудниках у него стояла в приоритетных задачах социального развития всей банковской структуры в целом. Среди прочих ультрамодных нововведений, над которыми любовно кудахтал светило финансового прогресса среднестатистического банка, находила свое место старая, как мир принудительно-добровольная система поощрения.

При очередном распределении материальных благ среди сотрудников отдела, где трудился Александр, активистка движения «всем сестрам — по серьгам!», торжественно всучила ему (как он ни отказывался при этом) билет в драматический театр. С этого билета все и началось.

Александр, благополучно дожив до 28 лет, последний раз в театре был никогда. Так сложилось, что его домашнее окружение и друзья не были поклонниками Мельпомены, да и другие восемь муз обошли Александра и его сослуживцев, практически, стороной.

Он повертел полученный билет в руках и сунул его в карман, решив особо не заморачиваться по этому поводу: спектакль должен был состояться в ближайшую субботу, начало значилось в 20.00 час, а это значит, что привычный поход в ночной клуб накрывался медным тазом. Не то чтобы Александр очень любил тусить по ночам, но его личная жизнь пока не складывалась до сих пор, и посещение злачных мест давало если не надежду, то хотя бы временную телесную разрядку.

Конечно, он решил не ходить ни в какой театр, пока случайно не наткнулся на уличную афишу, анонсирующую новый спектакль. Он остановился на площади под знаком «Остановка запрещена! Расстрел на месте!», чтобы прикупить какой-нибудь скоропостижный сандвич, быстро утоляющий чувство голода и постепенно растворяющий желудок (танцуй, пока молодой!). Его взгляд упал на красочный баннер, извещающий о том, что в их городе состоится умопомрачительная премьера какого-то охренительного автора. Но не это привлекло внимание Александра (эту информацию он прочитал по диагонали), на него с афиши, среди прочих лиц, смотрела... Она.

Сначала он мельком скользнул взглядом по крупному портрету героини спектакля, а потом остановился, как вкопанный. Вихрь поблекших юношеских идеалов, нескромных фантазий, и полустертых воспоминаний, мгновенно пронесся перед его мысленным взором, заставив прислониться к автомобилю, чтобы не упасть. Это было лицо той самой девушки, которой он

грезил когда-то, с которой беседовал в своих самых горячих снах. Он так и не встретил ее до сих пор в этом безумном мире глухих многоэтажек и холодных сердец.

А сейчас, прямо посередине площади, с афиши ему приветливо улыбалась она: высокая брюнетка со спортивной фигурой, отличной грудью, и большими карими глазами. Ее густые темно-коричневые волосы были распущены по плечам и ниспадали пышной волной, доходя чуть ниже лопаток. И эта очаровательная родинка на щеке — точь-в-точь, как у девушки из его снов! Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Какое-то смутное озарение промелькнуло у него в голове, и Александр, зажав между плечом и подбородком пакет с остывающими гамбургерами, дрожащей рукой полез в карман. Вот он, этот злополучный билет, хорошо, что он не успел от него избавиться! Александр лихорадочно пробегал глазами афишу и билет, словно сверял выигрышные номера в розыгрыше крупной лотереи, и все никак не мог сосредоточиться... Да, точно, так и есть: это билет на премьеру этого спектакля!

«Это знак!», ликуя, подумал Александр, и зачем-то поцеловал этот красочный листок бумаги, еле уловимо пахнущий типографской краской, словно это была не просто контрамарка в театр, а пропуск на небеса обетованные. «Успокойся», сказал он сам себе, «тебе никто еще ничего не обещал!», но успокоиться не получалось. Полицейский, который давно уже наблюдал за сменой дня и ночи на лице Александра, подошел к нему вразвалочку, и быстро вернул его с небес на землю.

— Здесь парковаться запрещено! — Козырнул он, и добавил уже мягче, — предъявите Ваши документы!

Пока Александр отбивался от назойливого полисмена, у него не выходило из головы столь странное стечение обстоятельств: билет — театр — Она. «Это предзнаменование, не иначе!», думал он, возвращаясь домой, в свой одинокий и безрадостный мир. Теперь он решил идти в театр «на встречу со своей судьбой», во что бы то ни стало: ни о каких клубах не могло быть и речи. Александр решил пока не говорить никому: ни редким друзьям, ни сослуживцам, о чудесной девушке из его снов, которая так внезапно материализовалась в образе прекрасной актрисы.

...

Александр критически осмотрел себя в зеркале. Ему не понравилось то, что он увидел. В конце концов, он остановился на привычной для себя одежде: по крайней мере, он будет чувствовать себя в ней более уверенно и свободно. Надев рубашку без галстука и брюки с подтяжками, он посмотрел на себя в зеркало: а что, миловидный парень ростом выше среднего, холост, не имел, не участвовал, приводов не было. Он подмигнул своему отражению, и, захватив портмоне и телефон по дороге, вышел из квартиры навстречу своей судьбе.

«Хорошо, что у меня есть авто», подумал он, заводя мотор, и ежась от холода в непрогретой машине, «а то пришел бы в театр, как мокрая курица». На улице было холодно, мокро и противно. Александр выехал в театр заранее, чтобы купить по дороге цветов. «Букет — это отличный шанс приблизиться к ней», мечтательно думал Александр, без особого раздражения стоя в очередной пробке, которая обычно вызывала у него вполне естественную негативную реакцию. «И обнюхать ее можно, заодно», съехидничал другой голос в голове. «И прикоснуться, быть может», подумал Александр и улыбнулся.

Букет он выбрал нейтральный: небольшой, с разной травой и ветками внутри, и красиво

упакованный в пестрый целлофан. «Не 100500 же роз мне покупать в первый раз», думал он, бережно укладывая букет на сидение автомобиля, «а то меня неправильно поймут».

Еле найдя место для парковки, Александр трусцой побежал к входу в храм искусства, мельком окинув взглядом здание в целом: был поздний вечер, и строение терялось в темноте.

Раздевшись в гардеробе и приведя себя в относительный порядок перед зеркалом в холле, Александр вышел в фойе. Около колонны стояла благообразная старушка в униформе театра, и предлагала красочные буклеты и программку на премьерный показ. Александр приобрел и то, и другое, быстро открыл буклет посередине, и тут же увидел ее фотографию на развороте. У него ёкнуло сердце, когда он прочитал подпись под снимком: актриса Елена... *, — так звали его первую любовь!

«Что-то слишком много совпадений», подумал Александр, вглядываясь в такие знакомые черты Незнакомки. «Или ты сам подтасовываешь факты», возразил ему другой голос. Александр долго боролся с искушением скупить у бабульки весь тираж, но побоялся привлечь к себе нездоровое внимание и спалиться раньше времени. «Да и старушенцию, небось, Кондратий схватит от такого демарша», усмехнулся Александр, «чего доброго, ласты склеит до срока не доживя».

Театральный зал, куда прошел Александр сразу после первого звонка, был небольшой: 15 рядов по 20 мест каждый. Он сразу занял свое место в первом ряду — прямо напротив авансцены, и положил букет на колени перед собой. «Надо же, билет всучили насильно, а оказались козырные места», ухмылялся Александр, оглядываясь по сторонам. Зал постепенно наполнялся зрителями, и через короткое время стал почти полон. Прозвенел третий звонок, и свет в зале стал заметно темнеть. «Штепсельную вилку медленно вынимают из розетки», вполголоса пошутил он «на автомате»: обычно, когда он неожиданно ронял эту фразу в кинотеатре, где часто бывал с друзьями, от него по залу волной разбегались смешки. Сейчас же на него зашикали со всех сторон, и он заткнулся. Александр понял, наконец, в чем была причина его столь нарочитого и неуместного веселья: он страшно волновался.

С тихим шорохом распахнулся занавес, загорелся свет рампы, и в ярких лучах театральных софитов появилась она. Александр был совершенно не готов к такому быстрому ее появлению, и совсем растерялся. Он даже перестал на какое-то время дышать. Он во все глаза смотрел на нее, замерев в театральном кресле.

Боже, как же она была хороша! Александр со счастливой улыбкой на лице следил за каждым ее движением, каждым жестом, совсем не слушая, что она говорит: он был очарован ее сильным и мелодичным голосом. Александр весь подался вперед и чуть не уронил букет, лежащий у него на коленях. Лена была одета в пышное вечернее платье изумрудного оттенка с глубоким декольте: «третий размер, не меньше», отметил он. Когда по ходу действия пьесы ее грудь вздымалась в каких-нибудь эмоциональных местах, Александр невольно замирал, не в силах оторвать от нее восхищенного взгляда. «Это просто сиськи», раздался в голове скептический голос, но Александр усилием воли тут же его задавил: «это не просто сиськи, это... Это...»

— Молодой человек, оставьте мое колено в покое! — зашипели на него слева, и Александр испуганно отдернул руку.

— Извините, — буркнул он, и покосился на соседку — женщину лет сорока, чье колено он сжимал, следуя за своими фантазиями о Елене Прекрасной: он ее уже почти боготворил.

— Пожалуйста, — миролюбиво шепнула соседка, и бросила на Александра заинтересованный

взгляд.
Александр положил руки на букет цветов и старался больше бурно не проявлять свои эмоции, всецело отдавшись происходящему на сцене. Когда Елена не была занята в мизансценах спектакля, Александр нервно тряс коленом, украдкой оглядываясь по сторонам: ему было откровенно скучно, так как он не следил за перипетиями сюжета, который развивались на сцене: его интересовала только она.
Наконец спектакль подошел к концу, и все артисты, которые были заняты на сцене, вышли на поклон. В зале дали общий свет, и зрители приветствовали игру лицедеев бурными аплодисментами: иногда раздавались крики «Браво!». По рядам понесли первые букеты цветов и Александр, наконец, опомнился: он никак не мог оторвать взгляд от Лены, стоящей посередине сцены.
Вот артисты отпустили ее одну на очередной поклон, и она приблизилась к краю рампы — буквально в двух метрах от Александра. Она заметила его, судорожно сжимающего несчастный букет, и ободряюще улыбнулась. Александр, как зомбированный двинулся ей навстречу, следуя за ее взглядом как по световому лучу. «Ты идешь, как дуболом», мысленно сказал он сам себе, вспомнив неуклюжих деревянных солдат Урфина Джюса. Наконец он справился с волнением и протянул ей букет.
Лена приняла его, и чуть наклонилась к Александру.зале до тех пор, пока очередная старая сова в униформе своим клекотом не погнала его на выход. Он оделся, и вышел в морозный город. Было темно и тоскливо. Бредя в каком-то забытьи вдоль стены здания, он дошел до служебного входа театра. Вдруг двери распахнулись, и на улицу высыпала стайка женщин разного возраста. Среди них Александр сразу же узнал Лену, хотя она была в обычной, а не сценической одежде — в темном пальто и берете. Ее волосы были убраны назад и перехвачены черной бархатной лентой. Она тоже узнала его, и, что-то сказав своим коллегам, приблизилась к нему.
— Вы? — только и смог произнести Александр, не веря своим глазам.
— А, мой восторженный поклонник! — сказала она и протянула ему руку, которую он осторожно пожал, — меня зовут Лена, — добавила она.
— Александр, — ответил он, и ему почему-то стало неловко за свое имя: был бы он какой-нибудь Вольдемар...
— Я прочитала Вашу записку, — просто сказала она, и добавила, — Вы ошибаетесь, я не такая, как Вы себе вообразили, — ее глаза лучились спокойствием и теплом.
— Вы... Вы... Просто не земная! — выпалил, наконец, Александр, и ему самому стало противно от своих выспренних слов.
— Ну что Вы, я очень земная! — Лена расхохоталась, — хоть моя душа и принадлежит Богу, но тело, все-таки — дьяволу, — лукаво добавила она.
Александр молчал, боясь ляпнуть лишнее или сморозить какую-нибудь глупость. Пауза затягивалась, и он почувствовал себя совсем мерзко.
— Хотите я познакомлю Вас с миром театра? — вдруг спросила она. Искорки смеха все еще мерцали в ее темных глазах, и Вы сами убедитесь, что...
— Да, — перебил ее Александр, и покраснел.
«Да что ж я, как баба-то, в самом деле!», подумал он и выдавил из себя робкую улыбку.
— Вот и отлично! — Лена едва уловимым движением бросила взгляд на часы, — приходите завтра сюда же, к служебному входу, после окончания спектакля. Я Вас встречу!

— А во сколько окончание? — спросил Александр, не веря своим ушам.
— В 23. 00 часа, — улыбаясь, сказала Лена, и прикоснулась к его руке, — не опаздывайте, я Вас буду ждать, — и повернулась, чтобы догнать своих подруг, которые уже успели скрыться в снежной пелене.
— Может, Вас подвезти? — очнулся Александр, вспомнив, наконец, что он мужик и галантный кавалер, а не какая-то размазня.
— Нет, спасибо, Саша, мне тут недалеко, — ответила она, обернувшись, — до завтра!
— До завтра, — эхом отозвался Александр, проследив за ней взглядом. Потом побежал к машине, подпрыгивая по дороге, и рискуя свернуть себе шею на гололеде.
Этой ночью он почти не спал. Он прокрутил в голове все возможные варианты их будущей встречи, но о том, что произошло на самом деле, он не смел и мечтать. Лишь под утро он забылся тревожным сном, и ему приснился розовый кактус.
...
Следующим вечером, ровно в 23. 00 часа, Александр появился при полном параде (рубашка без галстука и брюки с подтяжками) перед служебным входом драматического театра. В руке он сжимал неизменный букет — правда, значительно скромнее, чем был последний, начинённый взрывоопасной запиской, которая сработала в нужном месте и в нужное время.
Прождав пятнадцать минут, и отморозив себе букет, Александр осторожно постучал в дверь и вошел внутрь. За, видавшим виды столом, сидел ветхий гном в пуленепробиваемых очках. Он разгадывал разгаданный сканворд.
— Закрыто, — коротко сказал он, посмотрев на вошедшего через толстенные стекла треснувших линз.
— Я к Елене... *, — сказал Александр, предчувствуя недоброе.
— Как Вас представить? — спросил домовой: судя по количеству седых волос, торчавших у него из ушей, его в этой жизни уже ничего не удивляло.
— Александр, — представился он.
Старичок набрал номер на дисковом (!) телефоне, и торжественно возвестил в трубку:
— Елена... *, к Вам пожаловал Александр! — видимо раньше он служил камергером, не меньше.
Трубка что-то коротко ответила, и церемониймейстер входных дверей в отставке коротко бросил Александру:
— Ждать велено.
Через несколько минут в вестибюль вбежала Лена, подмигнула Александру, и строго сказала мудрецу, сидящему со сканвордом наперевес:
— Эрменингельд Христофорович, это э-э-э... Евгений Павлович, из Петербурга, мы должны пройти с ним одну чертовски непростую роль... Извольте пропустить!
— Чего ж не пропустить, — Христофор даже приосанился, — знамо дело, трудная роль, — проходите, чего уж там, — добавил он, скептически провожая взглядом заиндевелый букет в руках обалдевшего Александра, — прямо с реквизитом к нам пожаловал: видать, большой артист!
Лена схватила Александра за руку, и, смеясь, потащила его по коридору — внутрь храма Мельпомены. Вскоре они очутились во внутреннем фойе театра, где артисты отдыхают в перерыве между репетициями или выходом на сцену. Лена остановилась, и прижала Александра к стене.

— Прости, что не встретила тебя... Совсем вылетело из головы, — извиняющимся тоном сказала она, и тут же вся подобралась, как для прыжка, — вот скажи: зачем ты пришел на самом деле? — В лоб спросила она.
— Как зачем? — Опешил Александр: он не ожидал такого поворота.
— Так! Зачем ты пришел? — в ее голосе появилось немного грусти и сомнения, словно она не верила тому восторженному восхищению, которое он так пылко демонстрировал на их мимолетных встречах и в записке.
— Я хотел тебя увидеть, — просто ответил он.
— Правда? — Она отошла на несколько шагов по коридору и замерла, стоя спиной к нему.
— Конечно, правда, — подтвердил Александр.
Резко обернувшись, Лена посмотрела на него презрительным взглядом и вдруг приподняла подол своего черного платья, в которое она была облачена.
— Тебе это нравится? Нравятся эти ноги? — она хлопнула себя по бедру, будто демонстрируя отменную ляжку на продажу, — ты за этим сюда пришел?
С раздражением одернув платье, она снова посмотрела ему в глаза, и он смог различить в них гнев и задетое самолюбие.
— Раньше актрис всегда отождествляли со шлюхами, доступными девками, которых выбирали, глядя на них на сцене. Но это время прошло. Ты должен понять, что не будет все так просто, как ты себе, быть может, вообразил.
— Я не считаю тебя доступной, наоборот! Ты же читала мою записку! Просто... Ты очень нравишься мне, — оправдывался он, виновато глядя на свои ботинки, будто и в самом деле был в чем-то грешен перед ней, — но, я ничего плохого...
— Конечно, я прочитала твою записку: смотри, — она перебила его, и достала из-за выреза платья слегка погнутое на краях его трепетное признание, — она теперь со мной будет всегда, — добавила Лена, и демонстративно поцеловала текст внутри открытки: на бумаге остался алеть ее сочный поцелуй, — видишь?! — Томным голосом сказала она.
Потом рассмеялась и уже совсем другим тоном проговорила:
— Какой же ты смешной! Стоишь тут весь такой виноватый, — она подошла к нему и с улыбкой взъерошила его волосы, — ну все, проехали... Ладно?
Не зная, что ей ответить, растерявшись от столь внезапной перемены ее настроения, он кивнул, соглашаясь со всем, что она говорила.
— У меня появилась мысль! Пойдем со мной, — сказала она, и решительным шагом двинулась в полутьму помещения...
Лена взяла его за руку, и потащила по коридору за собой. Совершенно неожиданно коридор превратился в широкое, довольно темное пространство, с множеством каких-то вертикально натянутых тонких канатов. Сделав еще несколько шагов, Александр понял, что они оказались на сцене. Его взгляду открылся утопающий в полутьме тускло освещенный зал, рядами опустевших кресел напоминающий о том, что они здесь совсем одни. Лена повернулась к нему и сказала:
— У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Спускайся и садись в зале.
— Зачем? — спросил он.
Горестно выдохнув и вздернув брови, она пояснила:
— Я хочу, чтоб ты был моим единственным зрителем сейчас... Только ты. — Здорово! — Он

обрадовался, ощущая исключительную важность такого предложения. Быть единственным, для кого она выйдет на сцену! Разве он мог отказаться?

Александр спустился в зал, и сел в то самое кресло, в котором он впервые увидел ее на сцене: в первом ряду в центре зала. Лена терпеливо ждала, когда он займет свое место. Она на миг задумалась, словно не зная, чему отдать предпочтение, чем же удивить его, какое впечатление ему подарить. Но вот слова пришли сами собой, и сорвались с ее губ.

Это был Цветаевский монолог Сонечки, «Как я люблю любить... «. Она читала, она играла, перед своим единственным зрителем. Он смотрел на нее заворожено, будто околдованный этой мистической обстановкой: полутемным пустым залом, пугающими всполохами призрачных теней, мечущихся по стенам, а на сцене живая, настоящая Богиня! Земное воплощение смутных и неясных фантазий, прекрасная и недоступная, но такая манящая в своей ускользающей красоте.

Александр плохо понимал смысл произносимых ею слов, но купался в мягких и упругих волнах ее профессионально поставленного голоса, наслаждаясь тем, что все это звучит только для него. Но чем дальше она читала, тем внимательнее он слушал. С каждым ее новым словом, с каждым брошенным в зал взглядом он начинал понимать: она ведь нарочно выбрала именно этот монолог! Смутное предчувствие охватило его. Ему начало казаться, что все это было неким вступлением, намеком на ее благосклонность. Иначе зачем она остановила свой выбор именно на этой истории, так сильно переплетающейся с их собственной?

Лена закончила читать и замерла, оставаясь на сцене. Она смотрела в темноту зала — туда, где пребывал в полном восхищении Александр. Воздух в зале становился плотным от их взаимных флюидов, словно пропитывался током желания, пронизывающего все вокруг. Не смея пошевелиться, Александр с растущим волнением наблюдал, как медленно она подошла к ступеням и спустилась по ним легкой, грациозной походкой — как кошка, еле касаясь старого паркета.

Лена плавно двинулась к нему по проходу, не отрывая от него греховного взгляда ни на минуту. Подойдя к его креслу, она подняла свою холеную руку и слегка погладила Александра ладонью по щеке. У него в груди все перевернулось от нахлынувших эмоций. Лена приподняла подол платья, и, расставив ноги, села к нему на колени — лицом к лицу, глаза в глаза.

— Лена, — с волнением произнес Александр, — Вы... Ты... Я... , — Он так растерялся! Сколько раз он мечтал о близости с ней, со своей ожившей мечтой. И вот она здесь!

— Тссс! — Лена приложила палец к его губам, — я хочу, чтобы это произошло здесь и сейчас... И не порти этот момент своими дурацкими междометиями.

Актриса, не дав ему ответить, приблизила свои влажные губы к его устам. Нежный, но с нарастающей страстью, поцелуй возбудил его еще сильнее, и счастливая мысль пронеслась в его голове: «Господи, неужели сейчас она станет моей?!».

Обвив Лену руками, он притянул ее ближе. Она поддалась ему навстречу, и, продолжая целовать его, руками блуждала по его телу, бегло лаская пальцами его спину и плечи через ткань рубашки. Предвкушение большего поглощало их обоих: их объятия и ласки становились все более откровенными и нетерпеливыми. Член Александра через брюки упирался между ее разведенных бедер, и девушка ощущала это. Опустив руку вниз, Лена нащупала его ширинку, и погладила через ткань его возбужденный орган, чуть сжав, словно

проверяя его силу.
— Я хочу тебя. — Лена открыто посмотрела в его глаза, ее дыхание вдруг стало прерывистым.
— Мне звезда упала на ладошку, я ее спросил: «откуда ты?», — прошептал Александр и улыбнулся: он поверил ей. Поверил, наконец, в то, что недостижимая звезда сама упала в его объятия и готова исполнить его тайные желания, которые он загадывал бесчисленное количество раз.
Нащупав бретельки ее платья, он спустил их с плеч Лены, обнажая ее, вздымающийся от желания бюст, стесненный ажурным черным бельем. Бюстгальтер приподнимал и сжимал ее груди, делая ложбинку между ними такой заманчивой и желанной. Александр мечтал поскорее увидеть их свободными, обнаженными, и в нетерпении расстегнул застежку лифчика. Перед ним оказалась потрясающая пара упругих полушарий, и он не смог удержаться, чтоб не потрогать их. Осторожно сжав ладонями налитые груди, он на мгновение прикрыл глаза и со стоном выдохнул. «Неужели ее сиськи в моих руках?», промелькнула ликующая мысль.
Пока он радостно щупал и мял ее груди, Лена спустила платье чуть ниже к бедрам, но не сняла его совсем. Грациозным движением она отбросила бюстгальтер в сторону. Нитка жемчуга тускло светилась на ее красивой шее. Александр заметил, как бьется на ней тоненькая жилка: ее удары совпадали с ритмом его сердца: они бились в унисон. Нащупав молнию на его штанах, она освободила его рвущийся на свободу орган, подарив ему несколько нежных поглаживаний. Саша что-то промычал от удовольствия, и стиснул ее груди.
— Поцелуй их, — попросила девушка, и прогнулась ему навстречу.
— С удовольствием, — прошептал он и приник к ее соску трепетным поцелуем.
Потом осыпал поцелуями ее длинную шею и красивые плечи, и снова вернулся к восхитительным грудям, мягким и упругим, пахнущим пленительным ароматом. Облизав соски вокруг по очереди, он принялся осторожно посасывать их, то один, то другой, словно не зная, какому отдать предпочтение. Лена прикрыла глаза и откинула голову назад, принимая ласки парня, подаваясь ему навстречу. Он игрался с ее грудями еще несколько минут, и его ласки заставили ее стонать уже не переставая.
Наконец она не выдержала, взяла пальцами его член и призывно потянула к себе. Александр понял ее без слов. Он опустил руки на ее бедра и нежно погладил, поднимаясь ласками к тому месту, где Богу было угодно их соединить. Его пальцы ощутили горячее тепло женского лона, ждущего и зовущего его в свою утробу: он обнаружил, что трусиков на ней не было! Лена привстала, открывая ему путь к самому сокровенному. В нетерпении скользнув пальцами вдоль влажной расщелинки, он схватил член и, поиграв головкой по мягким губам, уверенно вошел внутрь: там уже было скользко от выделений. Лена охнула и медленно опустилась на него, полностью погружая в себя желанный фаллос. Теперь он был внутри нее, их тела объединились, и они стали одним целым.
Как же волнительно и одновременно сладостно было Александру ощущать ее своей! Теперь, когда он был в ней, он чувствовал, как радость обладания заполняет все его существо. На его коленях, на его члене, сидела Она, женщина его мечты, яркая красавица, еще совсем недавно бывшая несбыточной мечтой, а теперь... Теперь он ее берет. И сейчас она в его власти.
Притянув Лену за ягодицы, он стал поднимать и опускать ее, а она, подхватив ритм, стала бедрами подмахивать ему навстречу. Страстные стоны срывались с ее губ. Она вытащила

заколку из своих роскошных темных волос, позволяя им упасть тяжелой волной на ее обнаженное тело. Лена отбросила голову назад, позволяя ему любоваться своей красивой грудью, подпрыгивающей в такт его сильным ударам.

Жемчужные бусы растеклись по влажной коже, и одна жемчужинка задержалась у соска, зацепившись за него. Любуясь этой волнующей картиной, Александр продолжал ритмичные движения в ее лоне, подтягивая ее за бедра, пока не почувствовал, что близок к финалу. Женским чутьем Лена ощутила, что ее любовник приближается к пику наслаждения. Она стала крепче прижиматься к нему, плотнее уселась на его бедра, и ее энергичные движения вверх-вниз, быстро привели к желаемому финалу: Александр стал с наслаждением кончать в нее, излившись в ее лоно горячими потоками.

Лена приняла его мужскую силу со сладким стоном изнеможения и радости: оргазм накрыл ее почти одновременно с Александром. Она еще некоторое время продолжала двигаться на нем, вздрагивая от нахлынувших на нее чувств плотского наслаждения.

Тяжело дыша, они продолжали сидеть одни в пустом и темном зале, который еще сегодня был полон народу, улыбок и грома аплодисментов. Лена пришла в себя первой, подтянула платье и слезла со своего любовника. Александр полулежал на кресле и блаженно улыбался. Она нагнулась к нему, и запечатлела сладкий поцелуй на его губах. — Давай уйдем отсюда, — прошептала она, — мне стало тут неуютно... Идем.

Одернув платье и поправив волосы, Лена пошла назад, к сцене. На полпути обернулась, и повторила все еще пребывающему в нирване Александру:

— Идем же!

Они поднялись на сцену вдвоем, и Лена уверенно потащила его за руку в какой-то узкий коридор, который очень скоро расширился, и стал напоминать гостиничный, с множеством дверей.

— Куда мы идем? — поинтересовался он, послушно следуя за своей королевой, все еще находясь под впечатлением от произошедшего: «сбылась мечта идиота!».

Лена остановилась возле одной из дверей, обернулась к нему и бросила на него кроткий нежный взгляд.

— Теперь мы стали близки, — она смущенно улыбнулась, — я покажу тебе свою гримерку... Хочешь?

Она словно приглашала его в свой мир! «Конечно, я хочу!», Александр мысленно ликовал. Войдя в комнату, разделенную ширмой на две зоны, он огляделся: впервые ему удалось взглянуть на театральную жизнь изнутри — туда, где актеры таинственным образом перевоплощались во многих. И его Лена не была исключением.

Облезлый столик был уставлен какими-то баночками, флакончиками, на нем валялось несколько щеток и кистей. Прямоугольное зеркало обрамляли лампы, сейчас погашенные. Стол с зеркалом стоял ближе к обшарпанной двери. Александр заглянул за ширму: там высился большой старый одежный шкаф, где разнообразные костюмы ждали своего часа. Сверху, на шкафу стояло несколько деревянных болванок с женскими париками.

— Скальпы? — Кивнул Александр на многообразие волос разных эпох.

— Они, — улыбнулась Лена, и прижалась к его спине.

В целом интерьер этой комнаты был весьма прост, даже убог. Но тут в разные образы перевоплощалась его Лена, здесь был ее мир, а значит, побывать в этом месте было просто необходимо: так он сможет лучше узнать ее. На старом сундуке лежали потрепанные пуанты,

и Александр с любопытством взял один из них в руки.
— Ты еще и балерина? — спросил он.
— Занималась когда-то, — туманно ответила она, — сейчас только спортом в свободное время... Которого все меньше и меньше. Смотри!
С этими словами Лена подняла ногу, согнутую в колене вверх, потом распрямила ее и уперлась носком в стену, сделав стоя классический шпагат. Ее платье задралось, съехав по поднятой ноге вниз, полностью обнажив бедра. Александр обалдело смотрел на ее стройные длинные ноги, бесстыдно распахнутые перед его глазами. Он никак не мог оторвать взгляд от ее промежности, и его член снова зашевелился в штанах.
— Ой! Блин! Я же без трусов! — Ее лицо залил жаркий румянец, и она быстро опустила ногу, зажав платье между ног, — ты что, пялился на меня? — с притворным возмущением воскликнула она.
— Да, — честно сказал Александр, и демонстративно пожал свое набухающее достоинство, — мы смотрели вместе.
— Ах ты, охальник! — крикнула Лена и запустила в него первым, что попалось ей под руку: это оказалась старая засаленная бейсболка.
— А это тебе зачем? — смеясь, спросил Александр, ловко увернувшись, и поймав ее на лету.
— В одном из спектаклей я играла неформалку, и читала рэп, — Лена все еще была смущена из-за конфузной ситуации, в которую сама себя непроизвольно поставила. Она старалась поскорее сменить тему разговора, — ты когда-нибудь играл в буриме?
— Какой-такой павлин-мавлин? — удивленно вскинул бровь Александр.
— Дай сюда, — Лена вырвала бейсболку у него из рук, и напялила на себя козырьком назад, — я сейчас тебе покажу: скажи любое слово!
— Растяжка, — улыбнувшись, сказал Александр, вспомнив о недавнем откровенном представлении.
Лена на секунду закрыла глаза, потом вытаращила их, закачалась, и вдруг заговорила речитативом, рубя ребром ладони воздух перед собой:
— У меня хорошая растяжка,
У тебя красивая рубашка,
А в цветах была любви бумажка,
Я распутна, а ты думал — я монашка!
— На моих вельветовых подтяжках, прилепилася какая-то какашка, — продолжил вслед за ней Александр, выворачивая голову назад, и пытаясь отцепить сбоку какую-то фигню.
— Милый Сашка, ну какой же ты дурашка! — смеясь, закончила Лена и обвила его руками.
Потом потушила верхний свет и прошла за ширму, ближе к окну. Там она остановилась, и стала нервно теребить свои жемчужные бусы. Он осторожно подошел к ней и приобнял за плечи. Потом мягко снял с нее нелепую шапку.
— Мне было очень хорошо с тобой, — тихо сказал он, коснувшись подбородком ее мягких волос, — там, в зале...
— Правда? — недоверчиво спросила она.
— Правда.
— А... хочешь еще?
Александр ошалел от такого вопроса: ему еще никто так бесстыдно секс не предлагал. Конечно же он хотел, разве можно было отказаться от обладания мечтой? Оставив этот

вопрос без ответа, он просто обхватил ее за талию и потащил в сторону крутящегося стула, стоящего возле столика. Усевшись вместе с ней, он принялся целовать ее шею, бережно сдвинув ее темные пряди волос, и открывая путь к ее бархатной коже. Лена отдавалась этим нежным поцелуям, и скоро сама отыскала его губы. Пробившись язычком между ними, она подразнила его, а затем отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— Я знаю, чего ты хочешь, — она лукаво улыбнулась, и на дне ее темных глаз блеснул похотливый огонек, — отвернись, и не подглядывай!

Спрыгнув со стула, она развернула Сашу лицом к двери, и предупредила:

— И не вздумай поворачиваться!

Пока он послушно пялился на обшарпанную дверь гримерки, Лена подошла к костюмерному шкафу и оглядела имеющиеся в наличии костюмы. Она знала, чего хочет, и искала подходящую одежду. Отобрав несколько вещей, она выскользнула из платья, грациозно вильнув бедрами, и бросила его к ногам. Натянула на обнаженный, свободный от белья стан, прозрачную белую кофточку из невесомой ткани, которая не скрывала ее соски и плотно обтягивала ее упругую грудь. Этот элемент костюма феи не предполагал ношения его на голое тело, но Лена посчитала, что и из феи всегда можно сделать отличную шлюху — было бы желание.

Низ она выбрала соответствующий: короткие джинсовые шорты, не понятно каким образом оказавшиеся в шкафу, но очень кстати подходящие для ее задумки. Переодевшись, девушка глянула на Александра — тот продолжал покорно рассматривать входную дверь. Тогда она подошла к зеркалу, выбрала баночку с алой, сочной помадой, и наспех покрыла ею губы, слегка взлохматила волосы и удовлетворенно глянула в зеркало. Оттуда на нее смотрела блядским взглядом вульгарная потаскуха. Это было то, что нужно!

Подойдя к стулу, на котором все еще сидел заинтригованный парень, Лена опустила руки ему на плечи и развернула лицом к себе. Перед ним была уже не Лена: это была дешевая проститутка с Ленинградки. Александр офигел: не зная, что сказать, он просто тупо пялился на нее. Особенно на ее просвечивающую грудь, с выпирающими из-под невесомой ткани сосками. Ощущая, как в штанах член снова наливается желанием, он понял, что хочет трахнуть ее именно такой: развратной и доступной.

Не давая ему опомниться, вульгарная шлюха приподняла свою прозрачную кофту, демонстрируя парню свои сиськи, и, прогнувшись, выставила их неприкрытыми на всеобщее обозрение. С наглой улыбкой проведя рукой между его ног, она добралась до ширинки, и принялась мять ее.

— Хочешь, чтобы я тебе отсосала? — Спросила она.

Нервно сглотнув и не веря своим ушам, Александр произнес сдавленным голосом:

— Отсоси.

Удовлетворенно хмыкнув, Лена ловко вытащила член, и без лишних прелюдий опустилась на колени между его раздвинутых ног. Облизав и смочив слюной головку, она наделась на его член губами, и помассировала ими ствол. Александр отбросил ее волосы,чтобы видеть, как она сосет, и целиком отдался ее ласкам. Погружая член в себя все глубже, она не забывала щекотать во рту кончиком языка головку, даря ему двойное удовольствие. Спустя какое-то время она к оральным ласкам добавила руку: обхватила ствол пальцами и принялась дрочить член, который она ни на секунду не вынимала изо рта. Это так завело Александра, что он боялся, что вот-вот разрядится очередной порцией спермы прямо ей в рот.

— Погоди, — попросил он, и вытащил насосанный член изо рта своей персональной шлюшки. Она подняла на него масляный взгляд и улыбнулась.
— Что, уже хочешь кончить?
Лена так возбудила его, что он забыл, как совсем недавно трепетал от волнения, лишь предвкушая встречу с ней. Теперь ему хотелось совершенно другого. Она всем своим видом, своим поведением словно сама напрашивалась на это. Эти голые, нагло выпирающие сиськи, бесстыжий взгляд, профессиональный отсос...
— Хочу трахнуть тебя, — выдохнул Александр, на мгновение испугавшись собственных слов, и схватил ее за шею.
Лена вырвалась, встала с колен, вытерла тыльной стороной ладони мокрые припухшие губы, смазав помаду при этом, и развязной походкой пошла за ширму. Вскоре она вернулась оттуда с ворохом одежды в руках и бросила его на пол. Затем легла сверху на эту кучу, похабно раздвинула ноги, и, похлопав ладонью по своей промежности, сказала нараспев:
— Давай, милый мой красавчик, трахни девочку за хавчик!
Андрей обезумел от похоти: он быстро разделся — на этот раз полностью — и двинулся к куче тряпья, на которой его ждала шлюха, уже готовая к сексу и освободившаяся от своих неприлично коротких шорт. Недолго думая, он грубо перевернул ее на живот и поставил на колени. Лена обернулась, и по-блядски зыркнула на него глазами. Потом хищно улыбнулась, и выдохнула:
— Выеби меня!
Александр взревел, смачно плюнул на пальцы, шлепнул ими по ее промежности, и с разгона вошел в нее. Лена вскрикнула от боли и наслаждения. Сделав несколько движений тазом, он мог теперь двигаться куда свободнее, и стал трахать ее с удвоенной силой. Желая посмотреть на ее самое сокровенное место, он растянул кожу вокруг влагалища пальцами, и стал следить, как член входит в ее мокрую утробу.
Его возбуждение нарастало, он трахал ее все сильнее и сильнее, а она повизгивала, как сучка на случке, и с готовностью подмахивала ему задом. «Ты никакая не королева!», его мыслям было тесно в голове, переполненной похотью и животной страстью, «Ты обычная шлюха! И я ебу тебя так же, как ебал всех до тебя!».
Александр захрипел, и, ощутив, что сперма уже готова выплеснуться наружу, быстро вышел из нее и поднес член к ее лицу. Лена тут же стала на колени и подставила ему свои губы.
— Кончи мне в ротик, мой сладкий, — нежно проворковала она, и эти слова стали для Александра последней каплей в этом спектакле похоти и разврата.
Пару раз ткнув членом в ее полуоткрытые губы, он выстрелил белой струей ей на подбородок. Сперма медленно стекала вниз, по ее шее и груди. Лена слизывала остатки семени с его пульсирующего органа, и развратно улыбалась, невинно глядя ему в глаза. Этот оргазм был таким ярким, таким опустошающим, что, додрочив ей в рот последние мутные капли, Александр без сил повалился рядом с ней на кучу тряпья.
— Что это было? — спросил он, чуть дыша.
Лена подползла поближе, и прижалась к нему своим горячим телом.
— Я хотела сделать тебе приятно, — в воркующем нежном голосе исчезла блядская распущенность, и она снова была собой, — тебе понравилась эта игра? Я так старалась для тебя.
— Мне это так понравилось, что... — Александр не договорил, и он обнял ее, поцеловав в

макушку.
— Интересно, который час? — Спохватилась она, — я потеряла счет времени... С тобой, Сашка.
— И я потерял, — сказал Александр, еще теснее прижимая девушку к себе, — не хочу, чтоб это заканчивалось.
— Мы можем повторить. Позже. Отдохнем, и продолжим. Да? — она засмеялась, и он с восхищением подумал о том, как же ему с ней повезло.
— Эта игра меня так завела, — признался он, — я не ожидал, что ты так можешь.
— Ты можешь просить меня, о чем угодно — все что тебе хочется! Я исполню все твои желания и фантазии!
Лена повернулась к нему лицом и принялась жадно осыпать легкими, быстрыми поцелуями его лоб, щеки, подбородок... Они лежали вдвоем, обнаженные, на полу театральной гримерной, и целовались, целовались, целовались, жадно впитывая друг друга. Они не знали, сколько прошло времени: казалось, что оно остановилось, замерло, даря им бесконечность.
Перевернув Лену на спину, Александр с восхищением осмотрел все ее тело. На ней все еще оставалась кофта феи-проститутки, которая теперь была совершенно некстати, и он быстро снял ее. Теперь Лена была полностью обнажена, и он, любуясь ее подтянутым соблазнительным станом, снова ощутил желание. Желание любить ее, быть с ней, быть в ней, давать и брать наслаждение. Скосив глаза вниз, Лена заметила его возбуждение и довольно улыбнулась.
— Опять? — спросила она.
— Снова, — поправил он, и прильнул к ее зовущему, такому желанному телу, погружаясь в ее объятия.
Они продолжали целоваться, разогревая себя, чтоб снова слиться в единое целое. И тут, в куче вещей, на глаза Александру попались черные чулки. Самые обычные, нейлоновые. Представив их на стройных ногах Лены, он вдруг так завелся, что его член буквально заныл от распирающей его крови. Вытащив их из кучи одежды, он попросил ее:
— Ты можешь это надеть?
— Хочешь взять меня прямо в них? — спросила она улыбаясь.
— Очень! — Признался он, не в силах скрыть от нее свои тайные желания.
Подхватив чулки, Лена легко поднялась и направилась к стулу. Картинно поставив одну ногу на него, она медленно и чувственно облачила ее в черную нейлоновую оболочку, затем то же самое проделала и со вторым чулком. Он лежал и медленно ласкал рукой свой вздыбленный орган, наблюдая за тем, как она, дразня его, надевает их, как соблазнительно крутит бедрами, и его восхищение ею все росло и росло.
— Саша, иди ко мне, — Лена грациозно нагнулась и облокотилась на столик, чуть разведя ноги. Ее заветная щелочка приоткрылась, и она знала это, — я хочу, чтобы ты любил меня!
Уговаривать Александра долго не пришлось. Подойдя к девушке, он обвил ее руками и подсадил попкой на столик, придерживая за бедра. Его страсть к ней вспыхнула с новой силой, и очень скоро он снова оказался внутри нее, насаживая ее лоно на свой орган. Он так разошелся, что перестал контролировать себя, загнав ее с края стола вглубь, прямо к зеркалу. Лене пришлось откинуть спину назад, чтобы подставить ему свою прелесть, которую он так жарко сейчас обрабатывал изнутри.
Александр раздвинул ее бедра руками, и приник горячим языком к ее промежности,

слизывая ее соки.
— Да! Да! — стонала Лена, сжимая свои груди, и теребя пальцами возбужденные соски, — я хочу, чтобы ты всегда меня целовал здесь, Сашка! Боже, это просто неописуемо! — Лена зашлась в громких стонах, прижимая его голову к своим распахнутым бедрам, потом вдруг резко оттолкнула его, — а теперь войди в меня!
Она, лежа перед ним на спине, широко развела ноги в идеальном шпагате, и призывно посмотрела на него.
— Я жду тебя, Сашка, — просто сказала она.
Он схватил ее за бедра, и с наслаждением ввел свой окаменевший от желания орган на всю длину, достав до ее матки. Лена охнула, и пальчиками развела свои срамные губы в стороны: теперь весь процесс совокупления был виден, как на ладони. Потом она грациозно сдвинула ноги в воздухе, и положила их на плечи Александра. Он схватил ее за бедро, и стал натягивать на себя, надевая Лену все глубже и глубже. Свободной рукой он ласкал ее киску, такую нежною и желанную, и Лена поплыла: она мгновенно застонала часто-часто и с одобрением взглянула ему в глаза.
Он продолжал сладко щекотать ее до тех пор, пока она громко не застонала, не стиснула своими влагалищными мышцами его твердый член, и не сжала ноги. Александр понял, что она кончила. Осознание того, что он снова довел ее до оргазма, окрылило его и ускорило его собственный финал. Вытащив член из ее благодарного влагалища, он приставил головку к ее бедру, обтянутому черной тканью чулка, и выстрелил спермой прямо на него. Белая вязкая жидкость медленно стекала по черной ткани, оставляя контрастный влажный след.
Отдышавшись, он помог ей спуститься со столика, и заключил ее в объятия.
Он был счастлив.
— Ты — лучший, — прошептала Лена и поцеловала его в губы, и вдруг, спохватившись, добавила, — и все-таки, который сейчас час?
Отыскав свой телефон, Александр показал ей экран.
— Уже почти семь утра! — Лена вскочила, как ошпаренная, — когда же пролетела эта ночь?
— Я и не заметил, — улыбнулся Александр.
Лена бросилась за ширму и стала лихорадочно одеваться.
— Быстрее собирайся! — Крикнула она Александру, — скоро сюда придут, и нас застукают: пора уходить!
Приведя себя в порядок, она появилась из-за ширмы, и он увидел ее такой, какой встретил ее в начале этого волшебного свидания: аккуратно причесанной, с ниткой жемчужных бус на открытом декольте, такой идеальной и недоступной. Будто ничего и не было между ними. Какая-то неясная тоска сжала его сердце.
Словно в анабиозе он спустился вслед за ней в вестибюль служебного входа. За своей конторкой мирно спал замшелый вахтер, и его волосатые уши вздрагивали от случайных звуков, как уши у кота.
— Тихо, — прошептала, Лена, крадучись пробираясь к выходу, — не разбуди его.
Они благополучно миновали грозного стража храма искусства, и вышли на морозный воздух. Мела поземка, и ветер бросал горсти снежинок прямо в лицо. Где-то вдали уже забрезжил рассвет: быть может, их новой счастливой жизни?
— Ну, будем прощаться? — Сказала Лена, прижавшись к нему всем телом.
— Мы еще увидимся? — Спросил Александр, и земля почему-то уехала у него из-под ног.

— Ну конечно, глупый, ведь ты теперь мой.
Она поцеловала его в губы, потом отстранилась: ее глаза были усталые и пустые.
— Тебя подвезти? — спросил он, не надеясь на утвердительный ответ.
— Да нет, не нужно, я пройдусь, — сказала Лена, зябко ежась в куцее пальто, — тут не далеко... Поезжай.
— Я люблю тебя, — просто сказал он.
— Я знаю, — ответила она, и провела пальчиком по его щеке: за ним следом таяли снежинки, — пока, Сашка, — сказала она, и ушла в метель.
Она стоял и смотрел вслед торопливо удаляющейся стройной фигурке, и ждал, когда она обернется. «Она не может так просто уйти. Просто не может. Она всегда оборачивается!». Он смотрел сквозь метель и снег слезящимися от ветра (?) глазами, и не видел, как рядом с ним какой-то мужчина в рабочем комбинезоне густо замазывал клеем афишу о прошедших гастролях столичного театра, которая весела на рекламной тумбе, чтобы на ее место наклеить новую — с концертами какого-то певца.
Ветер швырнул рабочему какой-то цветной лоскут прямо в лицо, он схватил его и развернул: это была открытка со смазанными следами помады. Мужчина развернул ее и стал читать про себя, шевеля губами: «Здравствуйте! Это невероятно, но Вы — девушка из моих снов! Я всю жизнь мечтал о Вас, и Бог дал мне этот шанс! Прошу Вас, не отнимайте его у меня! Дайте мне возможность встретиться с Вами! Ваш восторженный поклонник».
Рабочий хмыкнул, и, скомкав открытку, бросил ее в урну, но не попал. Ветер подхватил смятый комочек и погнал вперед по дороге, прямо перед Александром, в сторону той, чей взгляд он так мучительно ждал и надеялся